

А мир, каким он станет, когда ты уйдешь?
В любом случае не таким, как сейчас.

Артюр Рембо, «Озарения»

II

— Ты думал удивить меня этим? — презрительно спрашивал он, сжимая в руках мою открытку.

Я делал ее со всей любовью, вложил в нее частичку себя, а теперь эту частичку растоптали, просто уничтожили. Вместе со мной.

Парни вокруг злорадно захохотали. Они показывали на меня пальцами, словно я был с ног до головы облит грязью.

Мне было больно смотреть на него. На его светлом лице растянулась ухмылка, от которой в горле встал ком, а его ни с чем не сравнимые голубые глаза были полны презрения.

И на что я надеялся? Будь на моем месте милая симпатичная девушка, на его лице была бы благодарная улыбка, а не злобная усмешка. Но перед ним сидел на земле низкорослый парень с растрепанными каштановыми волосами. Этот неудачник был больше похож на дошкольника.

МЕДИНА МИРАЙ

Он уродлив для себя, одноклассников и всех окружающих. Несмотря на все старания, он всегда выделялся на фоне других туповатостью, непониманием школьных предметов и неуклюжестью. Сверстников раздражало в нем все, начиная от школьной формы, которую в классе больше никто не носил, и заканчивая поступками.

И этим неудачником был именно я, четырнадцатилетний паренек по имени Даан.

— А давайте выльем на него голубую краску? — предложил один из недалеких громил. Один его неряшливый вид вызывал тошноту. У него были ужасная внешность и скверный характер. Казалось, запах перегара и чипсов достался ему с рождения — это зловоние следовало за ним повсюду.

— Нет, для него это будет слишком просто, — отозвался пацан в зеленой кепке, известный в школе как «красавчик». Он действительно был привлекательным. Мне нравились его волосы, зачесанные назад, одежда от известных нидерландских модельеров. Но характером он напоминал типичного бабника из дешевого сериала. Его звали Джесси.

— Предлагаю рассказать об этом всему классу... Да что уж там — школе.

Я стоял, не поднимая глаз. Лишь изредка посматривал на выпирающие костяшки кулаков.

Я не смел взглянуть на *него*, не смел больше думать о любви к *нему*, пусть и чувствовал, что она все еще жива во мне. Будучи униженным другими, я унижал себя еще сильнее.

МЕДИНА МИРАЙ

Как же глупо было решиться на этот поступок! На что я надеялся, если даже ни разу не говорил с ним? Как вообще мог подумать, что люблю его?

Каждый раз, когда я видел его в окружении кокетливых девушек, меня сжирала ревность. В моменты, когда очередная подружка протягивала ему новую сигарету, мне хотелось вырвать ее из рук и растоптать.

Я осознавал, что болен им. Болен настолько, что даже имя старался не произносить, потому что в такие моменты все мое тело деревенело. Алексис...

В груди защемило от обиды. Стыд, казалось, материализовался, придавил к земле, повис грузом на шее. Я не мог поднять полные слез глаза. Хотелось зарыдать, но каждый раз приходилось останавливать себя огромным усилием воли. Несколько слезинок дали себе волю и разбились о сжатые кулаки. Я захныкал. Прикрыл лицо руками, скрывая свое и без того уродливое лицо, которое теперь казалось в разы уродливее из-за прилившей к мокрым щекам крови.

— Смотрите, он плачет! — закричал кто-то, и вслед за ним все начали громко смеяться.

Это добило меня окончательно. В оглушительном хохоте я не различил лишь его голоса. Меня распирало желание взглянуть на него, но страх увидеть искажившиеся в смехе лица кучки балбесов не давал этого сделать.

Что-то упало прямо передо мной. Я разжал пальцы. Возле меня лежал смятый комочек из плотной бумаги цвета хаки.

— Мне это не нужно, — холодно произнес Алексис.

МЕДИНА МИРАЙ

Слова подействовали как электрошок. Я позабыл о том, как уродливо выгляжу, и убрал руки от лица.

В его глазах невозможно было что-то прочесть. Они были безжизненно пустыми, ничего не выражающими, будто перед ним не человек, а какой-то бесполезный предмет. Или вещь. Никогда не замечал, чтобы он проявлял ко мне хоть какие-то человеческие чувства.

Я убежал. Бегство казалось единственным решением всех проблем, но осознание того, что от такой грязи мне никогда не отмыться, не проходило.

2

С тех пор прошло ровно четыре года. Я почти забыл о жизни в Амстердаме.

Моя депрессия после того позора стала плодородной почвой для новых родительских ссор. Они и без этого кричали друг на друга почти каждый вечер. Порой у меня складывалось впечатление, что мама с папой делают это специально, пытаюсь найти какой-нибудь предлог для развода.

И этим живым предлогом стал именно я: мое поведение, мужское воспитание, которое в меня не заложил постоянно работающий отец Джимбо, отсутствие характера и прочие минусы.

Папа приходил после работы уставшим, а на кухне, помимо холодного ужина, ждала раздраженная мама, готовая обложить его матом с ног до головы из-за того, что тот заявился слишком поздно. Я видел в его потухших глазах

МЕДИНА МИРАЙ

проблески сожаления о том, что он позволил надеть на себя это ярмо. Он был заложником семейных уз, и однажды я дал себе обещание, что никогда не подпишусь на такие страдания.

Инициатором большинства склок становилась моя мама, Христа. «Женщина на иголках». Порой она и на мне срывалась. Раздувала из мелочи проблему галактического масштаба. Должен признаться, иногда я специально не поднимал трубку, когда она звонила. Делал все, лишь бы не слышать ее истеричный голос.

Родители все же добились развода. Счастливый отец остался в Амстердаме в просторном доме. Без хлопот, каких-то сосунков вроде меня и истеричек типа мамы. Мы же с ней переехали в Фризенвейн — маленький уютный городок в Нидерландах.

Люди тут, стоит отметить, очень приветливые и добрые. Атмосфера в городке помогла мне раскрыться: я взялся за учебу, читал книги запоем, засыпал с ними, подолгу не ел, в очередной раз выучивая формулы. Делал все, лишь бы оправдать надежды мамы. Но она не обращала внимания. В старой школе меня считали умственно отсталым, но за четыре года усердных занятий я вышел на уровень, превосходивший все ожидания моих нынешних учителей. Они пророчили мне большое будущее, а я все не видел маминой улыбки. Она была единственным человеком, в чьей поддержке я нуждался.

В новой школе я впервые заметил обращенные ко мне лица сверстников, полные дружелюбия. Общение с одноклассниками не пробуждало во мне букета комплексов. Впервые внимание на меня обратили девушки. Особо вос-

ВОСКРЕСНИ ЗА 40 ДНЕЙ

требуемым я стал ближе к семнадцати годам. Бывшие одноклассники уже никогда не смогли бы узнать во мне того забитого трусливого простачка. Перед ними возник бы образ по-прежнему стеснительного, высокого стройного парня с густыми взъерошенными каштановыми волосами и все теми же синими глазами.

Все чаще и чаще я слышал, как девушки шепотом обсуждали меня за спиной. Такое внимание с их стороны вводило в ступор.

Безусловно, очень приятно нравиться кому-то, чувствовать, что ты нужен, знать, что кто-то думает о тебе днями и ночами, но... я гей. И об этом не знал никто. Тяжело видеть расстроенные взгляды девчонок, которым ты только что беспричинно отказал. Они уходили, оставляя меня гадать: о чем они думают, сильно ли страдают и что будут делать теперь.

Однажды я увидел записку у себя на парте.

«Жду тебя сегодня на крыше после занятий».

Мне впервые приходилось получать подобное послание, но горький привкус предстоящего разговора был хорошо знаком. Складывая записку пополам и быстро пряча ее в карман джинсов подальше от любопытных одноклассников, я уже знал, что меня ждет.

Возле перил, ограждающих крышу, стояла невысокая стройная девушка. На ветру развевались ее каштановые волосы, трепетала юбка до колен, а черные колготки обтягивали тонкие ноги. Пусть я и не разглядел черт ее лица из-за плохого зрения, но откуда-то точно знал — она улыбается.

МЕДИНА МИРАЙ

— Ты догадываешься, зачем я позвала тебя сюда? — спросила она нежным голосом.

— Да.

— Я красивая?

В ее вопросе явно слышалось желание услышать «да».

И оно исполнилось.

— Да.

Она подбежала к перилам и повернулась к ним спиной.

— Скажи, Даан, что ты обо мне думаешь? Ты ведь наверняка никогда не видел меня в школе, поэтому я хочу услышать твое первое впечатление.

— Ты кажешься очень милой... — И это было правдой, пусть я и не мог рассмотреть ее в лучах закатного солнца. — Скромной, воспитанной...

— Тебе нравятся такие, как я?

Повисла пауза ровно в три секунды, за которые родилась короткая ложь:

— Да.

Она впиалась в перила пальцами. Мною завладело острое желание развернуться и уйти, лишь бы не чувствовать на себе ее пристальный взгляд. Девушка будто сканировала меня глазами с ног до головы. Они все так делали. Как же я ненавижу такие моменты! Складывалось впечатление, что сам себе не принадлежишь и все твои мысли, сущность и желания выставляются напоказ.

— А ты бы стал встречаться с такой, как я?

Мне стоило усилий сохранить выражение приветливости на лице. Но это было ошибкой. Я привык к тому, что хотя бы четко вижу тех, кто мне признается и выражает

ВОСКРЕСНИ ЗА 40 ДНЕЙ

желание встречаться. Отказывать им было куда легче. Нужно просто показать свою задумчивость, опустить печальный взгляд и помолчать секунд десять, а потом ответить отрицательно. Но в этот раз все было не как обычно. Все же я смог разомкнуть губы и ответить.

— Нет, — слетело с моих уст.

Она повернулась лицом к перилам и, как умелая воровка, пролезла между прутьями.

— Стой! — Слова летели впустую.

Я никогда не мог точно передать голосом эмоции. В сердце втыкались иглы, а слова звучали равнодушно.

Девушка запустила руку в карман. Вытащила оттуда, кажется, телефон. Несколько секунд он был в ее руках, а потом она медленно вернула его обратно.

Ее руки обхватили перила. Пятками она уперлась в край крыши и запрокинула голову назад.

Она молчала. Глотала воздух, а я стоял, не смея шевельнуться, боясь даже лишней раз громко вздохнуть.

Она резко наклонила голову вперед. Волосы упали на лицо, ломая образ прилежной ученицы.

— Ты был моей последней надеждой...

И скрылась за перилами. Слова растворились в шуме листьев.

Я бросился вперед.

Она выглядела как сломанная кукла. У нее были прикрыты глаза, точно у спящей; вокруг головы растекалась лужа крови, а на лице виднелась едва заметная улыбка.

Меня душили слезы. Я хотел прыгнуть вслед за ней, лишь бы избавиться от чувства вины.

МЕДИНА МИРАЙ

Еще никогда за восемнадцать лет я не думал, что могу поломать чью-то жизнь. Вот так легко, просто сказав слово «нет».

Казалось, что вся эта история с крышей, запиской и разговором на расстоянии — ее план по завладению моим сердцем, ведь еще никто до нее не делал мне таких признаний. А люди обычно запоминают тех, кто сделал что-то не как все.

Быть может, даже ее смерть в случае отказа была частью плана, и прямо тогда, когда я смотрел на ее сломанное тело, она все еще ждала, что я отвечу ей «да».

«Если я скажу тебе эту ложь, вернешься ли ты назад?»

Элана. Элана. Элана. Имя несчастной доносилось из-за каждого угла школьного коридора.

С тех пор я просыпался и засыпал с мыслью, что погубил человека. Ее последние слова эхом проносились в ушах. Она являлась мне в кошмарах в крови и пыталась сбросить меня с крыши. Однажды, увидев подобный сон, я не мог заснуть до самого утра.

Ближе к пяти, когда солнце начало осыпать город розовыми лучами, мне захотелось выйти на улицу. Округа спала. Лишь изредка можно было услышать вдалеке шорох автомобильных шин.

Ноги сами привели меня на невысокий пригорок за городом, откуда я мог наблюдать за рассветом. Здесь царила тишина.

Я лег на холодную землю. Тело расслабилось, глаза закрывались сами собой. Где-то неподалеку пели птицы, встречая прохладное утро. Шелестела трава, щекодавшая